

Не успел Цзян Чу прийти в себя, как Цинь Цзуй бесцеремонно ссадил его, пихнув ногой в бок, и перекинул обратно на его половину кровати.

Цинь Цзуй сбросил легкое одеяло, молча поднялся с постели и вышел, с грохотом захлопнув за собой дверь спальни. Направился напрямик в ванную.

Цзян Чу остался лежать, косо привалившись к подушке и тупо уставившись в потолок. Спустя пару минут он приподнялся на локтях, глядя на закрытую дверь.

—... Блять, — тихо выругался он.

Черт его знает, что это сейчас было. То ли виной всему этот хриплый, глуховатый выдох Цинь Цзуй: «Брат...», то ли то, как тот внезапно сжал его бедро — вроде и несильно, но как-то слишком уверенно. Только от затылка до самой макушки вдруг пронеслась волна горячей дрожи, которая затем, словно электрический разряд, ударила прямо в пах.

Цзян Чу потер ладонью за ухом, взъерошил волосы и невольно поправил, дернув пониже, домашние штаны.

"Я что, реально слишком долго без бабы? Что вообще за дичь творится с моими реакциями?"

Пока Цзян Чу тупо сидел в спальне, Цинь Цзуй в ванной яростно плескал в лицо холодной водой, пытаясь унять сумбур в голове.

В штанах все еще нещадно давило. Он колебался: то ли по-быстрому перепихнуть это дело вручную, то ли просто перетерпеть, пока само не спадет.

Перед глазами то и дело вспыхивало ошарашенное лицо Цзян Чу. Цинь Цзуй с досадой щелкнул выключателем вытяжки, прислонился спиной к кафелю и, зажав губами сигарету, чиркнул зажигалкой.

В отличие от брата, Цинь Цзуй прекрасно отдавал себе отчет в том, отчего у него так сорвало крышу.

Но он и представить не мог, что обычное слово «брат» способно сработать как такой мощный... триггер.

Возбуждение шибануло так резко, что тело напрочь отказалось подчиняться разуму — рука сама собой рванулась вперед, вцепляясь в бедро Цзян Чу.

Цинь Цзуй на собственной шкуре ощутил, что значит потерять контроль.

И Цзян Чу точно все понял. При их позе не заметить этого было попросту нереально.

От этих мыслей к глухому раздражению примешалось какое-то странное, зудящее предвкушение.

Потерпев еще немного, он с тихим рыком стащил через голову футболку, уперся одной рукой в холодную стену, а второй расстегнул и сдернул вниз домашние штаны.

Когда он наконец вышел, Цзян Чу стоял у кулера, наполняя стакан.

Несколько секунд они молча буравили друг друга взглядами. Цинь Цзуй взъерошил влажные волосы и молча зашагал к спальне.

Проходя мимо, он вдруг притормозил, бесцеремонно выхватил у Цзян Чу стакан, в несколько глотков осушил его до дна и сунул пустую посудину обратно в опешившую руку.

— Совсем больной? — проворчал Цзян Чу вслед удаляющейся фигуре. Пришлось наливать воду заново.

Шел ведь просто поболтать перед сном, глупые шутки пошутить, а в итоге устроил какую-то херню. Возвращаясь со стаканом в спальню, Цзян Чу чувствовал себя крайне неловко.

В комнате по-прежнему царила темнота. Цинь Цзуй уже лежал под своим пледом на боку, приняв ту же самую позу, что и до этого инцидента.

Цзян Чу лег на свою половину, затылком вжимаясь в подушку. Посмотрев немного в потолок и прекрасно понимая, что его сосед ни разу не спит, он слегка пнул его под одеялом.

— И что это сейчас было? — тихо спросил он, не поворачивая головы. — Чего ты там так долго возился?

Цинь Цзуй лежал спиной к нему. На мгновение его дыхание сбилось, но скрывать очевидное он не стал:

— А сам как думаешь?

Цзян Чу приоткрыл рот, но так и не нашелся с ответом.

"Да в том-то и дело, блять, что я прекрасно все понял."

Цинь Цзуй не ошибся. Когда у Цзян Чу от хриплого шепота сладко заломило за ушами, он отчетливо ощутил бедром упершийся в него каменный стояк.

Тогда, в темноте, он растерялся и просто завис, переваривая собственные ощущения. Но теперь в памяти услужливо всплыл тот пьяный случай, когда они повалились на пол, и его ладонь случайно накрыла пах Цинь Цзуя. Вспомнился и размерчик, и дурацкая фраза про то, что «все пучком».

"А ведь и правда... Да тьфу ты, бля! Что за бред лезет в голову?!"

Слыша, как шумно вздохнул Цзян Чу, Цинь Цзуй скрипнул зубами.

Он понятия не имел, о чем думает брат, и злился на него за этот дурацкий расспрос. Вся злость и неудовлетворенность, копившиеся последние дни, разом скрутились в тугую, готовый лопнуть узел.

Лян Сяоцзя сегодня плакался, что «не может держать себя в руках». Но тот хотя бы страдал по части эмоций. У него же, у Цинь Цзуя, из-под контроля выходили чистые животные инстинкты.

"Почему именно так? С какого хера меня так дико кроет именно на Цзян Чу?"

Он зажмурился до боли в веках. Собственная природа и эта гребаная ориентация сейчас казались ему самым ублюдским наказанием в жизни.

В темной комнате повисла тяжелая тишина.

— Цинь Цзуй, — негромко позвал Цзян Чу.

Тот промолчал.

— Ты... это?.. — Цзян Чу не договорил. Не потому, что замялся — младший его просто грубо перебил.

— Да, — отрезал Цинь Цзуй, понимая вопрос с полуслова. Он рывком сел на постели и повернулся к брату: — Противно? Ок, я уйду.

— Да подожди ты... — опешил Цзян Чу и тоже сел.

— Я гей, — в упор глядя на него, выплюнул Цинь Цзуй. — Ты ведь и сам уже догадался, верно?

Одно дело — строить догадки, и совсем другое — услышать такое признание в лицо.

Пока Цзян Чу переваривал услышанное, Цинь Цзуй уже откинул плед и поднялся, намереваясь покинуть комнату.

— Назад вернись, — даже не подумав, Цзян Чу вытянул ногу и отвесил парню ощутимый пинок прямо в поясницу.

С силой он малость переборщил — Цинь Цзуй даже покачнулся.

— Хватит устраивать цирк посреди ночи. Мечется он туда-сюда... Я разве сказал, что мне противно?

Цинь Цзуй обернулся, хмурясь и вглядываясь в лицо старшего.

Даже в полумраке Цзян Чу уловил эту его зажатость, смешанную с недоверием. В груди противно защемило. Стало чертовски жаль этого упрямого придурка.

Признался так, словно приговор себе подписал. Небось все это время варился в собственном соку, уверенный, что брат пошлет его на хер или побрезгует.

— Раз уж встал, принеси сигареты, — вздохнул Цзян Чу и махнул рукой в сторону двери.

Цинь Цзуй помедлил, молча вглядываясь в его силуэт, после чего вышел в коридор.

— Садись, — Цзян Чу на лету поймал брошенную ему пачку, кивнул на край кровати и прикурил, зажав сигарету губами. — Потолкуем.

Цинь Цзуй прихватил с комода тяжелую стеклянную пепельницу, примостил ее между ними на матрасе, уселся, привалившись спиной к изголовью, и тоже закурил.

Сказать-то сказал «потолкуем», а теперь, когда парень сидел рядом и ждал расспросов, Цзян Чу понятия не имел, с чего начать.

Если положить руку на сердце, сам Цзян Чу никогда не сомневался в своей гетеросексуальности — первый же свист вслед симпатичной девчонке в школе выдал без всяких учителей. Он был стопроцентным, железобетонным натуралом.

Но и гомофобом никогда не являлся.

Да и что тут такого? В сети постоянно мелькают новости про гей-прайды, в каждом первом зарубежном сериале полно ЛГБТ-персонажей, страны одна за другой легализуют однополые браки... В конце концов, геи — те же люди: две руки, две ноги, голова на плечах.

Времена, когда от одного слова «гомосексуализм» шарахались как от чумы, давно прошли.

Да и в жизни он сталкивался с такими ребятами — еще в универе ходили слухи про парочку парней, а уж в дизайнерской тусовке их крутилось пруд пруди. Все как один — ухоженные, со вкусом и чувством стиля.

Но одно дело — абстрактные люди «где-то там», не имеющие к нему отношения.

И совсем другое — Цинь Цзуй, который живет с ним под одной крышей, ест за одним столом и которого он искренне считает своим младшим братом.

Этот резкий переход от смутных подозрений к голой правде выбил почву из-под ног. Казалось, между ними внезапно разверзлась целая пропасть.

Цзян Чу долго молча гонял мысли по кругу. Когда сигарета догорела почти до середины, он негромко спросил:

— И как ты... понял?

Цинь Цзуй скосил на него взгляд:

— А ты как понял, что тебе девки нравятся?

Цзян Чу едва не брякнул: «А тут надо что-то понимать?», но вовремя прикусил язык. Сформулировал иначе:

— На обычное порно у тебя встает? Ну, где парень с девушкой.

— Да, — спокойно ответил Цинь Цзуй. — Но если тебе показать гей-порно, у тебя тоже дернется.

Цзян Чу мысленно усмехнулся, вспомнив популярный мем: «Да ладно? Что-то не верится».

— Возбуждение идет от самой картинки, от визуального стимула, — ровным голосом пояснил Цинь Цзуй. — Если трах дикий, то хоть на собак смотри — реакция будет.

— Про собак это ты загнул, конечно, — Цзян Чу почувствовал легкую неловкость от того, в какое русло свернул разговор. — Но кругозор у тебя, я погляжу, широкий.

Цинь Цзуй лишь коротко усмехнулся в кулак.

Сбросив этот груз, он почувствовал колоссальное облегчение. Худшие опасения не оправдались — Цзян Чу не шарахнулся от него с отвращением.

Затянувшись еще разок, Цзян Чу решился задать вопрос, который мучил его все последнее время.

— Так вы с Лян Сяоцзя... — он невольно приподнял бровь. — Вместе?

— Нет, — так же быстро отрезал Цинь Цзуй.

— А-а. — В душе у Цзян Чу мгновенно отлегло. Он почувствовал себя родителем, который узнал, что его чадо не ввязалось в криминал.

— Если бы мы встречались, меня бы сегодня в твоей комнате не было, — добавил младший.

Цзян Чу только-только расслабился, как его брови вновь поползли вверх.

"Ишь какой шустрый. То есть, будь они парой, он бы сейчас вовсе развлекался в другой постели? И тоже «по-дикому», надо полагать?"

При этой мысли образ взмокшего, тяжело дышащего Цинь Цзуй стал слишком осязаемым. В памяти мгновенно ожило ощущение чужих пальцев, мертвой хваткой вцепившихся в бедро, и этот хриплый шепот: «Брат...». По коже вновь пробежали мурашки.

"Погодите-ка... А он часом не на меня..."

Он уставился на Цинь Цзуй, даже не заметив, что сигарета уже начала обжигать пальцы.

— Смотришь так, будто я тебя съесть хочу, — заметив этот настороженный, сканирующий взгляд, Цинь Цзуй прищурился и поспешил успокоить его: — Можешь расслабиться. Ты не в моем вкусе.

Человеческая натура — штука крайне парадоксальная.

Еще секунду назад Цзян Чу едва ли не ловил паническую атаку от мысли, что мелкий на него заглядывается. Но стоило тому столь категорично пойти на попятную, как внутри шевельнулось уязвленное самолюбие.

"Это еще почему? Лицом вышел, фигура отличная, ростом бог не обидел — завидный жених, девки пачками вешаются! И чем я его высочеству не угодил?"

С бабами личная жизнь не клеится, так теперь еще и геи его отбраковывают. Ну зашибись расклад. Хоть стой, хоть падай.

Цзян Чу едва сдержал усмешку.

С другой стороны, оно и к лучшему. А то, что у малого встал в постели — дело житейское, физиология. Организму молодому вообще по херу, на что реагировать, это с чувствами никак не связано.

Мужское тело вообще живет своей жизнью. Бывает, листаешь какую-нибудь рабочую ленту, натыкаешься на горячий кадр — и привет. Чистая реакция рецепторов.

К тому же, он сам хорош: навалился сверху, дурачился, дразнил... Сам же первый и спровоцировал парня. В девятнадцать лет у пацанов гормоны так хлещут, что они на любой шорох стойку делают.

— Ну и славно, гора с плеч, — ухмыльнулся Цзян Чу. — Ты главное свой пистолет при себе держи и в мою сторону не целься.

Надо было переварить этот факт. Все-таки у него под боком жил настоящий гей. В голове пока не укладывалось.

Он затушил окурок о стеклянное дно и свесил ноги, собираясь сходить умыться. Но уже на полпути к выходу не выдержал, обернулся и с любопытством цокнул языком:

— Слушай, а если серьезно... Вы же оба мужики. Что вас друг в друге вообще заводит?

Цинь Цзуй до этого буравил его спину тяжелым взглядом — его явно задело это шутливое предупреждение. Стоило Цзян Чу обернуться, как их глаза встретились.

Цинь Цзуй молча смотрел на него пару секунд. В его глазах промелькнул опасный огонек. Вдруг он дерзко вскинул бровь, рванулся вперед и в мгновение ока перехватил инициативу — опрокинул Цзян Чу спиной на кровать, в точности повторяя его недавнюю позу. Зажал его руки, уперся коленом между бедер и выдохнул прямо в губы:

— Хочешь проверить?